

Мария Орлова

50 ОТТЕНКОВ ЧЁРНОГО

18+

18+

Мария Орлова

50 оттенков чёрного

«Автор»

2026

Орлова М.

50 оттенков чёрного / М. Орлова — «Автор», 2026

Почему Петрович? Петрович — это я. Это вы. Это каждый, кого коллега хлопает по плечу и говорит: «Петрович, выручай!» В этом имени — всё: уважение к мастерству, ирония над бытом и та самая человеческая простота, за которой скрывается характер. Петрович не носит дорогих костюмов и не собирает пресс-конференции, чтобы объявить: «Я — профессионал!». Он просто берёт чемоданчик с инструментами и идёт делать дело. На таких людях всё и держится. Неважно, чинишь ты кран или управляешь страной, — если ты Петрович, это уже знак качества. В работе, в отношении к людям и в самой жизни. Откройте эту книгу — и вы узнаете в герое себя, своего соседа или просто хорошего человека, с которым хочется выпить чаю (а иногда и чего покрепче).

© Орлова М., 2026

© Автор, 2026

Мария Орлова

50 оттенков чёрного

Оттенок первый — цвет серой турецкой плитки

Сантехник Петрович был дико зол. Сегодня утром ему не удалось опохмелиться, и поэтому он ненавидел весь мир, но планам по мировому господству не суждено было сбыться — поступил вызов. Вызов от ненавистной мадам, которую знал и ненавидел весь местный ЖЭК. Она была настолько придирчива, что заставляла сантехников снимать не только ботинки, но и носки.

Петрович грустно вздохнул и, закрыв свой чемоданчик со скудным набором инструментов, отправился на вызов. Каждый шаг сопровождался адскими муками: организм требовал продолжения вчерашнего банкета, а мозг категорически отказывался работать без дозаправки топливом. Но Петрович стоически перенёс все танталовы муки и нажал кнопку домофона. Каркающий голос спросил:

— Кто там?

— Алевтина Петровна, это сантехник!

— Кто именно? Я же не знаю всех сантехников в мире!

— Который Петрович.

— А-а-а-а, Петрович, заходи, — в голосе клиентки послышался какой-то странный оттенок, но Петрович решил не обращать на это внимания. Он знал: Алевтина, кроме оплаты вызова, обычно давала ещё и пол-литра, и эту бутылку его душа жаждала до безумия.

Хозяйка открыла дверь в неприлично коротком халатике, обнажавшем её пятидесятилетние, слегка дрябловатые колени и бёдра. Кокетливо поправив чёлку, она вздохнула:

— Ах, Петрович, сегодня у меня засорилась ванна...

«Опять ты, кобыла, своих волосьев понатрясала», — беззлобно подумал Петрович и, зайдя в квартиру, снял ботинки, носки и натянул бахилы омерзительно голубого цвета. Алевтина словно невзначай дотронулась рукой до его спины.

— Петрович, а ещё не очень хорошо работает кран...

— Я посмотрю, — нелюбезно буркнул Петрович, направляясь в ванную со своим чемоданчиком.

Там он его открыл и, достав странное приспособление, напоминавшее детище любви слона с мышью, вставил в сливное отверстие. Затем начал вертеть рукоятку, и вскоре на свет вылез клочок волос, облепленный жиром. Петровича чуть не стошнило. Он убрал грязь в пакетик и плотно его запечатал.

— Алевтина Петровна, засор я удалил.

В ванную женщина впорхнула, словно бабочка-махаон, неловко запахивая полы халатика, которые приоткрывали её тело. Петрович передёрнулся — его организм жаждал скорейшего слияния с огненной водой. Он выдавил из себя улыбку:

— Алевтина Петровна, с вас пятьсот рублей.

— За что?! — возмутилась женщина и плотнее запахнула халат.

— За то, вот то и ещё вот то, — занудно перечислил Петрович.

— А сколько будет стоить кран? Если будет дороже пятиста, то смотреть не надо! — раненым птеродактилем отозвалось эхо в ванной.

— Хозяйка, мне бы это... — Петрович неловко переступил с ноги на ногу.

— М-м-м-м... Мужчина, а больше вас ничего не интересует? — женщина кокетливо опустила голову на плечо.

— Ну... Если только как обычно, — буркнул Петрович, закрывая чемодан.

— А если не как обычно? — худенькая лапка женщины погладила его по плечу.

Петрович ужаснулся — это совсем не входило в его планы, и его отравленный алкоголем организм не реагировал ничем, кроме отвращения.

— М-м-м, Алевтина, м-м-м, Петровна... А давайте как обычно?

— Ну, Петрович... Ну миленький... — халатик медленно пополз по плечу.

Петрович в ужасе зажмурился.

— Ах так! — разъярённым вепрем взвилась женщина.

Она выскочила из ванны, словно ошпаренная кошка, и метнулась в кухню, там схватила бутылку водки и швырнула её в коридор. Столбенеющий Петрович с ужасом наблюдал, как струйки весело сбегали по стене, и его душа не выдержала. Он упал на колени, языком стараясь попасть во все щели и выбоины серого кафельного пола. У женщины снесло крышу не менее: она скинула халат и упала на пол, стараясь как можно сильнее вымочиться в водке. Петрович зажмурил глаза ещё крепче, стараясь представлять себе приятную картину, и лизал, лизал сорокаградусную жидкость, которая питала его организм, словно живая вода...

Оттенок второй — цвет тёмно-красного мака

Петровичу снился жуткий сон — словно его затягивает в омут странное существо с кистями на концах щупалец, при этом в водовороте перед Петровичем проносятся бутылки с водкой, но поймать он не может ни одну. С диким криком Петрович проснулся и, тяжело дыша, вытер липкий, холодный пот со лба.

— Приснится же такое, — пробормотал он и отправился одеваться, чтобы пойти на работу, но перед этим заскочить в рыгаловку «Три дохлых кабанчика» и пропустить первую за день соточку.

Его иссушенное нутро рисовало в воображении картины запотевшей бутылки водки. Петрович сглотнул, но тут раздался мерзкий звук, идентифицированный Петровичем как мобильник.

— Да?

— Петрович, ты там как? — раздался в трубке голос старшего техника, которую Петрович не переносил. Эта чёртова баба никогда не давала ему расслабиться, а лишь гоняла по заявкам день-деньской.

— В порядке, Анна Сергеевна, в полном порядке.

— Это замечательно, Петрович, ибо тебе тут наряд лежит в Академию Художеств. — В трубке шуршануло бумагой. — Адрес такой-то, что-то случилось в туалете второго этажа.

Ты уж поторопись, сам знаешь, какие эти художники натуры тонкие. Если что — обращайся к Самсону Далилову.

— Да уж, знаю.

Петрович дошёл до рыгаловки, пропустил первый стаканчик. Его организм запел и воспрял, Петрович улыбнулся и неспешно попылился к мазилкам, как он часто называл художников. У двери Академии его встретил тощий высокий юнец с шёлковым расписным шарфом на тонкой шейке. Петрович передёрнулся изнутри:

— Товарищ Далилов?

— Да, — протянуло создание, надушенное, как показал нюх Петровича, «Шанелью № 5». Петрович в сердцах сплюнул в урну. — У наааас на втором этааажеее забилося оборудование для оправления естественных нужд.

— Да понял уже, — нелюбезно буркнул Петрович. — Показывайте.

Существо хмыкнуло и отвело Петровича в туалетную комнату, откуда просто дико воняло.

— Ерш твою в кочерыжку, — протянул Петрович. Хоть и был он человеком грубоватым, но материться не любил, поскольку считал, что это портит его карму. А карма — она же такая сволочь бессердечная, и плюнуть в ответ может. Раскрыв свой чемоданчик, он растерянно почесал в затылке, думая, что же ему может пригодиться.

— Нуууу я вас остааавлю, — проблеял мальчик и, поправив шарфик, ушёл в соседнюю с туалетом комнату, где уставился на мольберт, на котором стояла неоконченная картина, которую Самсон решил назвать «Тёмно-красный мак». Он любовался единственным цветком, который успел нарисовать за двенадцать часов, и негодовал из-за того, что его уединение нарушил приход сантехника.

Петрович же в это время ковырялся сантехническим тросиком в унитазе.

— Кочерыжкина мать в перекиси водорода, — бурчал он. — Интеллигентные. Возвышенные натуры, а срут, пардон, как лошади после уборочной на поле.

Сзади зашуршало — пришло надушенное существо. Вонять в туалете стало сильнее, и, прямо скажем, «Шанель» запах какашек не перебивала вообще.

— Ах, уважаемый, скоро ли вы закончите?

— Я только начал, — кинул в ответ Петрович.

— Ну как же так... — сокрушалось существо, томно поправляя шарфик и распространяя аромат духов. — И наверняка же высшего образования у вас нет, — размышляло оно, — а то бы не стояли вы тут и не ковырялись бы в экскрементах, как даже не знаю кто...

Петрович начал злиться и заворачал тросиком ещё сильнее. Унитаз издал скорбный вздох и, булькнув остатками биомассы, заурчал, вбирая в себя неаппетитную массу.

— И чем же вы заняты, милый юноша? — поинтересовался Петрович.

— Ах, ну я вам покажу, хотя вряд ли вы что-нибудь поймёте... — Парень засеменил в аудиторию и с гордостью показал свой мольберт.

Петровичу хватило одного взгляда:

— О, прэлестно, прэлестно, юноша... Самсон, если не забыл. Смотрю, вы увлекаетесь творчеством Моне?

— С чего вы взяли? — переполошился Самсон и принялся лихорадочно вглядываться в свою картину.

— А вот мазки, и вот. Очень узнаваемы, знаете ли, нами, людьми без высшего образования.

Любил Петрович перед сном почитать монографии великих художников, так как сам рисовать не умел. Больше всего ему нравился Клод Моне.

— Ничего тут похожего нет, и вообще — идите, вошкайтесь с ключами и дальше и не суйтесь в высшие материи.

— Ах так? Ах ты ж, анчуткин сын! — взвился Петрович.

Он ухватил юнца за голову и припечатал того к картине. Когда парень отлепился, то по его лбу плавно стекал тёмно-красный мак. А Петрович с чувством гордости за весь рабочий люд уходил в «Трёх дохлых кабанчиков», чтобы там напиться и, придя домой, снова рассматривать монографию о Моне...

Оттенок третий — кот цвета асфальта

Была у Петровича одна страстишка. Совсем одна (водка была его любовью – первой и единственной с восемнадцати лет), любил Петрович посмотреть порнушку. Будучи эстетствующим любителем в начале, через десяток лет перешел в профессионалы, умудряясь подмечать всякие неточности в кадре. К примеру – актриса в одном и том же нижнем белье в трех фильмах подряд, или прыщик на жопе не замазанный. Ну суть не в этом. Был у Петровича кот, которого тот вытащил из люка в свое время, и стал этот кот у Петровича навроде талисмана. Ежели с утра, как проснется, к Петровичу придет на грудь, то будет день тихим и спокойным. Ежели же на ноги или на йайца упадет — то день будет из рук вон плохим. Вот и в этот день Петрович проснулся от того, что пятикилограммовый кот по кличке Карма приземлился точнехонько на бубенцы Петровича. Дикому воплю позавидовал бы и слон в брачный период, правда, Петровичу было прямо сейчас не до слона, хотя дикую природу он любил, и даже пытался копить на поездку на сафари в дикие дебри Африки, но, отложив пару тысяч рублей, срывался и бежал покупать свою любовь. Отприседав на месте с десятков раз, Петрович в раскоряку поплелся в ванную, где грустно оглядел свое лицо, опухшее и небритое, лениво плеснул в него пару чайных ложек воды, оделся и пополз на работу, надев на лицо подобие улыбки. Где-то он читал, что приклеенная улыбка потом может стать настоящей. В диспетчерской сегодня заседала Анна Сергеевна, с которой Петрович был вежлив, но суров, искренне считая, что бабы не могут быть начальниками, потому что был шовинистом и сексистом, но слов таких Петрович не знал, и посему искренне полагал, что Аннушка его просто не любит, и он яростно не любил ее в ответ. Аккуратно положив чемоданчик на свой стол, уныло ютившийся в уголке диспетчерской, Петрович полистал журнал заявок. На его имя ничего и не было, и он уже повеселел, как вдруг зазвонил телефон.

— Да. Какой адрес — повторите, — Анна Сергеевна удивленно посмотрела при этом на Петровича, продолжая записывать огрызком карандаша на куцем листе бумаги данные. Затем повесила трубку.

— Петрович, вот даже не знаю, как тебе сказать, — она вздохнула. Вздорного Петровича она уважала, несмотря на то, что приходилось ей с ним несладко. — В общем, Петрович, ты только не переживай, но... — Она помялась.

— Да что ж ты кота-то за шурундулы тянешь, Сергеевна, говори уж, — пробормотал Петрович, продолжая улыбаться. На Аннушку его улыбка производила неизгладимое впечатление — как будто тыкву сначала разломали поперек, а потом склеили, оставив кое-где торчащие куски.

— В общем, Петрович, у тебя потоп.

— Что? — глупо улыбаясь, переспросил Петрович.

— Соседей снизу ты затопил, вот что, — буркнула Анна, потупив взор.

— Аж ты ж, кочерыжкин сын, — искренне огорчился Петрович. Хотя с соседями ему повезло — внизу жил тихий запойный алкоголик Юрик, который впадал в буйство крайне редко, и то выпив денатурат вместо водки, и его жена Зиночка, с которой по молодости у Петровича кое-что было. Один раз.

— Ну, я пошел? — полувопросительно обратился Петрович к начальнице.

— Иди, иди, Петрович, и если что — можешь не возвращаться.

По пути домой Петрович прикупил свою любимую девочку, и нежно уложив ее в чемодан, двинул к дому. Там его уже поджидала Зиночка.

— Петрович, Петрович, чорт ты окаанный. Что ж ты творишь, изверг? — вопрошала приятной пухлости Зиночка.

— Ну, прости, Зинаида, — и Петрович воровато ущипнул ее за руку. Зиночка томно вскрикнула и покраснела.

— Счас посмотрю и спущусь, — Петрович открыл дверь, и под ноги ему хлынул бурный поток, посреди которого сидел в своей коробочке кот и жалобно верещал. Поймав кота, Петрович ринулся на борьбу со стихией. Оказывается, сорвало вентиль в туалете со стояка холодной воды.

— Анчуткино семя, кочерыжкины глаза, — матерился сантехник, трясущимися руками устраняя поломку и собирая потом воду. Кот печально на него зыркал, тщательно вылизывая шерстку ослепительного асфальтового цвета, затем поднял лапку и принялся слишком тщательно вылизывать то место, где когда-то были шурунды. Петрович насторожился. Кот ехидно мяукнул и, подойдя к чемоданчику хозяина, принялся активно об него обтираться. Петрович не успел и ахнуть, как чемоданчик опасно накренился, а затем, позвякивая содержимым, упал на бок. Еле слышный звон заставил сердце Петровича опуститься в пятки, а затем стукнуться в паховую область.

— Ах ты ж, шерстяная паскуда, — возопил Петрович, бросаясь к чемодану и надеясь спасти хоть что-нибудь. Кот уселся на толстую жопку и лениво наблюдал за метаниями хозяина. Потом подтащил к себе пульт от телевизора, уселся на него и задом же включил телевизор. В этот момент дверь в квартиру Петровича распахнулась, явив глазам Юрика и Зиночки забываемую картину — Петрович страстно лизал внутренности чемодана, а на телеэкране совершались непотребства актрисой, чье имя переводчик озвучил как Марта — влажная спинка. Кот цвета асфальта сидел в позе китайского истуканчика и лениво шевелил кончиком хвоста...

Оттенок четвертый - цвет вьетнамского напалма

Петрович спал и видел сладкий сон о том, как Аннушка разливает масло и сама же на нём поскальзывается, а по ней проезжает «Тополь-М». Внезапно раздался странный звук...

— Петrrrrрович-тханг, Петrrrrрович-тханг*, — голос Петровичу был незнаком.

Он попытался открыть глаза, но вчерашнее многочасовое возлияние сделало данное действие невозможным. Промывав что-то матерное, Петрович разлепил пальцами распухшие веки правого глаза и попытался настроить резкость. Вторая попытка ему удалась, и он с удивлением увидел стоящего в дверном проёме комнаты своего кота. Причём стоял тот на задних лапах, помахивая хвостом, словно шпагой или арматуриной.

Не успел Петрович удивиться, как в его голове словно разорвалась граната, и он погрузился в спасительную тьму, не зная, что в настоящий момент он своим телом не владеет.

Глаза человека широко открылись, и он заговорил на американском языке, приправленном техасским сленгом:

— О, желтокожая узкоглазая крыса, и чего ты припёрся?

— Петрович-тханг, невежливо так разговаривать со своей жертвой.

— Да кто ты, мать твою? — искренне удивился человек. — И вообще — кто такой Пиотровиш? Я — подполковник Джон Маккрейн, служу президенту и стране.

— Я — тот, которого ты, тханг, убил. Пятьдесят лет назад. Впрочем, и ты не выжил, я был отомщён.

— Какие, к дьяволу, пятьдесят лет?! — взревел мужчина и вскочил с кровати, но тут же запнулся о чемоданчик сантехника и растянулся на полу, заработав пару шишек на лбу. — Какого дьявола? Что это за срань господня? Где мои собака, дети, жена, мать вашу?! Какого хрена?!

— Успокойся, тханг, присядь. Видимо, не завершены наши путешествия, раз нас собрали с тобой в этой... России, — кот брезгливо отодвинул тапочек, который пах деяниями кого-то из семейства кошачьих, подошёл к кровати и уселся с краю, помахивая лапкой.

— Где? В России? Нет, в Советском Союзе, неверные у тебя данные, четвероногий полковник. Пятьдесят лет? Но... Как? — ошарашенный мужчина схватился за голову.

— Нет уже никаких Советов. Остались лишь Россия и ваши американские колонии, которые, в принципе, скоро могут быть и не вашими. А вполне себе такими, мррр, российскими. И вообще, тханг*, у космоса хорошее чувство юмора, — кот подтолкнул к Маккрейну замызанную книжонку со странным названием «Что делать, если вы проснулись рептилоидом. Пособие для сектоидов», которые любил почитать Петрович во время синячества и коих у него было в количестве по всей квартире. А ещё книжечка, как ни странно, тоже пахла котом.

— Кстати, мне нравится жить у Петровича. Он смешной, веселит меня. А ещё он алкоголик, — кот хихикнул и прислонился к подлокотнику.

— Ну хорошо, допустим, я тебе поверю — и то, что мы сейчас в варварской России, а не в Советах, и то, что прошло пятьдесят лет, и даже в то, что я мёртв, а не сплю сейчас. Но говорящий кот?

— Не просто говорящий кот, тханг, а полковник вьетнамской армии Нго Ван Лоан, тханг, — кот презрительно сплюнул сквозь зубы.

— И о чём нам надо говорить?

— А вот хрен его знает, тханг. В общем — начнём с простого: какого чёрта ты вообще на войну попёрся?

— Что значит — за каким? Я патриот, чёрт побери!

— Патриот?! Ну-ну. Кстати, тебе понравится — ваш президент чёрный.

— Брюнет? — удивился Маккрейн.

— Нет. Чёрный, как кожаный ботинок. Негр, в общем.

— Что-о-о? — взревел Макрейн. Он был ярым националистом и в своё время даже состоял в Ку-клукс-клане.

— А ещё у вас там теперь и гомосеки женятся, — задумчиво протянул кот и, как показалось Макрейну, показал средним пальцем жест куда-то в небеса.

— Не-е-е-ет! — зарычал Макрейн.

Тут в его мозгу что-то щёлкнуло. Мужчина закрыл глаза:

— Полковник Лоан, вынужден принести вам свои извинения по факту насильственного вторжения в вашу страну и попытки государственного переворота. Ну и, наверное, стоит попросить прощения за ваше, кхм, убийство.

Мужчина открыл глаза и уставился на кота. Тот задумчиво разглядывал американца, помахивая передней правой лапкой.

— Что ж, подполковник Макрейн, в свою очередь и я приношу вам свои извинения. Причём достаточно искренние, — уколол кот Макрейна.

В этот момент яркий весенний луч солнца весело скользнул по зелёной бутылке, и отражённый солнечный зайчик вонзился в глаза кота. В маленькой черепушке животного что-то перемкнуло, и кот с диким воплем «Банзай!» вцепился в лицо Петровича.

Внезапно из соседней квартиры раздался крик убиваемого мамонта — это рожала соседка Лена. Рожать она решила на дому, и для этого дела была приглашена местная повивальная бабка Нюра. Крику мамонта вторил нечеловеческий визг Петровича, который отодрал кота от своего лица, чувствуя, как струится горячая кровь, и схватился за зелёную бутылку, чтобы продезинфицировать свой организм внутри и снаружи.

Петрович вытер кровь с лица, допил остатки дезинфектанта и снова отправился в объятия Морфея. Его затухающее сознание зафиксировало странную фразу, услышанную из-за хлипкой стены:

— Ой, Ленка, а что это твоя мелочь такая жёлтая и узкоглазая?! От бурята, что ль, пригуляла?!

*Тханг (вьетнамский) — слово, подчёркивающее фамильярность обращения, носящее пренебрежительный оттенок. (Примеч. автора.)

Оттенок пятый - цвет нежной лягушки

Раннее утро пришло к Петровичу неожиданно — в оконное стекло со всей дури влетела чайка, на секунду зависла и, отлепившись, понеслась дальше, влекомая адским ветром.

Петрович открыл глаза и пару секунд не мог понять, какого черта и куда занёс его любимый круг Сансары. Вспомнив, как вчера он танцевал канкан в рюмочной «По писят», Петрович залился краской цвета нежной лягушки и поёрзал. Копчик что-то укололо. Петрович извернулся посмотреть — в трусах он нашёл около трёхсот долларов и присвистнул:

— Оспааади, сколько же гомосеятины-то вокруг, — досадливо поморщившись, он вытащил буржуинские бумажки из труселей и аккуратно уложил их в бумажник.

Затем встал и подошёл к окну — там было премерзопакостнейше: лил дождь, жирные чайки летели жопами вперёд и матерились на своём чаячьем.

Горестно вздохнув, Петрович заглянул в холодильник — там грустными глазами на него смотрела полумёртвая мышь. Мужчина аккуратно достал её из холодильника и погладил по спинке:

— Опять ты, болезная, свалила от своего ботаника? Сейчас верну тебя взад.

Петрович покряхтел и, выйдя из квартиры, позвонил соседу. Через пять минут дверь медленно открылась, и на пороге возникло взлохмаченное чудо:

— Ой, Путя! Спасибо вам, Петрович, — искренне поблагодарил мужчину юноша и забрал мыша. Мыш безропотно отдался в привычные руки и заливисто пискнул.

— Эх, Васёк, следи лучше за своим хозяйством.

Петрович ушёл собираться на работу, где ждала его ненавистная Аннушка. Собрав свой нехитрый чемоданчик, мужчина вышел из дома и тут же в него влетел голубь. Отлепив явно матерящуюся птичку, Петрович чуть было не перекрестился, но вовремя вспомнил, что он вроде как буддист, и, преодолевая адский ветер, добрался до работы.

Аннушка сидела на своём месте и пила чай, раздумывая о судьбе... Родители пророчили ей работу шпалуюкладчицей, но Аннушка сумела поступить и отучиться на оперную певицу, чему немало способствовала её грудь размера этак восьмого. Правда, спать с дирижёром она не захотела и поэтому была вынуждена искать более приземлённую работу.

Петрович неслышно вошёл в техническое помещение и засмотрелся на Аннушку — мощная грудь вздымалась и опадала от дыхания, сочные губы дули на горячий напиток, а язычок шаловливо облизывал краешек блюдца. И тут у Петровича внутри что-то шевельнулось — он понял, что Аннушка, как бы он с ней ни срался, ему весьма и весьма симпатична.

— Анна Петровна, а вот и я. Есть заявочки какие-нибудь? — и сам удивился своему заискивающему голосу.

— Ах, Петрович, — вздохнула Аннушка, от чего её объёмные перси всколыхнулись, взбудоражив в Петровиче что-то давно забытое, — пока нет. Присядьте пока. Отдохните. Хотите чаю?

— Хочу, — неожиданно для себя согласился мужчина и с каким-то внутренним трепетом принял из рук Аннушки чашку, где в пучине кипятка помирал страшной смертью пакетик чая.

Отхлебнув адский напиток, Петрович снова взглянул на Аннушку — та сидела вроде бы в своих мыслях, но при этом искоса поглядывала на мужчину. И вдруг словно искра пролетела между ними — одновременно поднявшись с мест, мужчина и женщина кинулись в объятия друг друга.

Со стороны это смотрелось весьма комично: Аннушка — дородная женщина лет сорока, ростом с петровского гренадера, и маленький худосочный Петрович, в чью лысинку можно было смотреться как в зеркало. Их губы встретились, и чмокающие звуки пожирающих друг друга существ заполнили комнатку.

Вдруг раздался громовой раскат, и парочка отпрянула друг от друга.

— О майн гатт, что это было? — простонала Аннушка. Её грудь вздымалась с такой частотой, что могла бы, не напрягаясь, взбить пюрешку.

Петрович с ужасом понял, что только что целовался с ненавистной, да что там — ненавидимой им женщиной.

— Признавайся, курица, что ты в чай подлила?! — воплю Петровича позавидовал бы сам Шаляпин.

— Ничего, старый хрыч, — возмутилась женщина и отпрыгнула за свой стол, при этом нечаянно задев чашку Петровича, отчего та взлетела в воздух и облила тёплым кипятком мужчину.

— Ах ты ж, проклятие колеса Сансары, исчадьё зла!!! Ещё и обливаешься?! — взвизгнул тоненько Петрович и, схватив чашку Аннушки, облил женщину.

Та схватила степлер, а мужчина — пачку бумаг...

Через полчаса в комнатке не осталось ни одной целой вещи. Петрович и Аннушка сидели по разным углам и зализывали свои раны — как телесные, так и душевные.

— Ну её в жопу, такую любовь, — с чувством протянул Петрович, схватил чемоданчик и убежал домой к своему холодильнику, где в морозилке ждала его она — верная и никем не востребованная бутылка водки, чьи нежные бока запотели от холода, а маленькие капельки, стекавшие по стеклу, образовывали замысловатый узор...

Дома, поглаживая нежно свою любимую бутылку, Петрович всхлипывал и повторял:

— Вам, псынам сутулым, надо ж только одно от нас, от мужиков. Да чтоб вы провалились! — и, поглощая рюмку за рюмкой, Петрович понемногу проваливался в спасительное забытие.

Оттенок шестой - цвет рождественской печали

Утро у Петровича началось со странностей — сначала сам собой включился телевизор, от ора которого проснулся и владелец одного гаджета. Затем, когда Петрович отправился в ванную, чтобы умыться лицом, — тёплая вода настроилась идеально, чего не было уже давно. Петрович на всякий случай перекрестился и, сделав себе чашку крепкого кофе, вернулся в комнату, чтобы посмотреть новости.

Пышущая здоровьем ведущая радостно щебетала:

— И вот в очередной раз праздник Рождества обошёл всю землю и остановился в нашем городе. Сегодня наш патриарх будет проводить службу в крупнейшем соборе города.

Петрович поморщился — не любил он этих напыщенных товарищей, каждый второй из которых когда-то служил в КГБ. А с КГБ у Петровича были свои, не особо идеальные отношения.

— В городе Бурге начальник местного ТСЖ решил поздравить жителей своего микрорайона и нарядил в шубы Деда Мороза и Снегурочки работников ТСЖ, как то: сантехников, плотников и дворников. Эта милая затея пришлась по душе жителям, и каждый из них получил не одно приглашение.

Петрович снова поморщился — из какого закутка выкопали эту даму, которая двух слов связать не может?

А так как ему никто ничего не говорил, Петрович решил проявить инициативу, забыв старую русскую пословицу, что инициатива бывает наказуема. Унеся чашку на кухню, Петрович ломанулся на балкон, заставленный коробками, коробчульками и коробчонками с разным хламом. Попискивая от натуги, он вытащил самую огромную коробку и поставил её в центре комнаты.

— Ай, Аннушка, ай, коза сибирская, — возмущался Петрович, — хоть бы предупредила, что ли! — пыхтел он, вытаскивая из коробки старый дедов халат, в котором тот гонял басмачей по Киргизии, а потом, сидя на завалинке и очищая саблю от крови, любил смотреть на звёзды, покуривая трубку. Потом кто-то пришил на халат звёзды, и стал этот семейный артефакт шубой Деда Мороза.

Из той же коробки был вытащен засаленный пучок пакли, который при ближайшем рассмотрении оказался предметом, похожим на накладную бороду. Была эта борода жидковата, но веселящееся гнездо моли в ней создавало адски праздничное настроение.

Петрович повздыхал, примерил халат, который оказался ему великоват размера на четыре, и бороду, чьи тесёмки он с трудом завязал на голове, потому что они всё время норовили соскользнуть с лысинки. Натянув на голову старый (опять же дедов) заячий треух (в котором дед любил спать холодными зимними вечерами, а мытьё головы у него приравнялось к бесовским занятиям), Петрович посмотрел на себя в зеркало и остался доволен.

Затем подхватил свой чемоданчик и отправился по вызовам, которые накануне выдала ему Аннушка.

Первым в списке стоял бывший «новый русский» по фамилии Лепикян с семейством. Семейку эту Петрович тихо ненавидел из-за двух обстоятельств: жены-Лепикянши, которая как-то угостила его пирогом собственноручного изготовления, съев который бедняга чуть не отдал концы (хорошо, что в наше время «Скорая» иногда приезжает быстро), и персидского кота, который платил Петровичу взаимностью и старался его всегда пометить. Поэтому в этой квартире Петрович делал всё сразу и на века.

Лепикян открыл дверь даже не спрашивая, кто там, и Петрович не преминул его подколоть:

— А если бы это были бандиты?

Увидев Петровича, Лепикян как-то побледнел и погрузнел лицом, потом принюхался и незаметно сдвинулся на пару метров правее, пропуская сантехника в квартиру. Из глубины сатанинского приюта, утробно рыча, нёсся кот, но, завидев новый облик Петровича, перс затормозил всеми четырьмя лапами и головой.

Петрович злобно зыркнул на кота и потряс головой — от этого борода его отвалилась и упала на кота.

На глазах семейства Лепикян бедный перс превращался в сфинкса: шерсть его пожиралась столетней молю со скоростью пираньи.

— Упс, вам бы котика к врачу отправить, — сказал сочувственно Петрович и отправился чинить унитаз, не забыв закатать рукава своего бушлата.

Через полчаса всё было сделано. Петрович подхватил свою бороду и отправился на следующий вызов, не обращая внимания на рыдания и завывания, доносящиеся из квартиры Лепикян.

Следующим по списку была бабуля — божий одуванчик, которая Петровича нежно обожала и старалась всегда ему поставить вкусненькую водку. Только Петрович водку эту не пил, потому что бабка слыла ведьмой и чёрт его знает, что в бутылке могло бы быть.

Позвонив в дверь, Петрович устало прислонился к стене.

— Кто там?

— Баб Тань, это Петрович.

— А ну-ка встань перед глазком, нехристь!

Петрович покорно уставился в глазок. Из квартиры донеслись всхлип и звук упавшего тела.

— Баб Таня, баб Таня, вы там живы?

— Уйди, окаянный! Не смущай меня! Изыди, сотона!!! — судя по звукам, за дверью активно плевались и крестились.

Дверь ему так и не открыли, и Петрович отправился по следующему адресу.

В кармане Петровича завибрировал мобильник. Петрович поначалу не обратил внимания, полагая, что это прыгают клопы в халате, но вибрирование настойчиво продолжалось. Петрович хлопнул себя по лбу — только вчера он купил новенький мобильник и не привык ещё к его звукам. Он вытащил сотовый и посмотрел на экран — звонила ненавистная Аннушка.

— Петрович, старый хрыч, где тебя черти носят? — оглушил мужчину бабский вопль.

— А что такое, Анна Сергеевна?

— Быстро тащи свою тушку ко мне. И постарайся это сделать действительно быстро! — рявкнула тётка и отключилась.

По пути к Аннушке Петрович решил заскочить в «Три поросенка» и принять пару капель для сугрева, ибо халат хоть и был на рыбьем меху, но тепла почему-то не давал. Первые две капли пошли на ура, а потом ещё пара, и ещё, и ещё... И так Петрович назюзился в хлам.

Смеркалось... Петрович стройным зигзагом шёл к работе. Телефон вибрировал не переставая, но сил ответить у него уже не было. Поднявшись по ступенькам, Петрович нажал кнопку звонка и не отпускал, пока за дверью не загрохотали чьи-то шаги.

— Руку убери, ирод, — ругнулась Аннушка.

Она включила свет и, громко взвизгнув, отпрыгнула от Петровича так, что среднестатистический кенгуру позеленел бы и сдох от зависти.

— Кто вы?!

— Аннушка, ну что ты орёшь, как потерпевшая после двадцать пятого изнасилования? — миролюбиво пробормотал Петрович. Ругаться ему совсем не хотелось. Рождество как-никак.

— А ну-ка присядь-ка вот сюда и расскажи, что ты натворил.

— А что случилось?

— Лепикян тут звонил, карами грозил. За то, что ты их котика испортил. Он у них призёр...

— Был, — заржал Петрович и икнул.

— Ну вот. — Женщина принесла Петровичу чашку с чаем. — И самого Лепикяна ты напугал. Как он там сказал? «Я ничего в жизни не боялся — ни когда на стрелках был, ни когда у меня бизнес отжать пытались, но вот то, что я увидел сегодня... Это меня напугало до усрачки».

— Ну и хрен с ним, с нехристью.

— А Татьяна Фёдоровна?

— Кто?

— Бабка Таня. С ней-то ты что сотворил? Бабка уже пятый час в больнице, в истерике бьётся, говорит, что Люцифер к ней приходил и завязывает она со своими штучками.

— Ну так вроде ничего такого и не натворил. Бабка Таня мне даже дверь не открыла, курица. А я по такому морозу, ик, шёл, ик, чтобы ей унитаазик починить...

В тепле Петровича разморило, и он незаметно для себя и Аннушки уснул.

И снилось ему, что он и дед, весело махая шашками, неслись по маковому полю на породистых рысаках, а весёлые моли отплясывали тарантеллу прямо перед ними...

Аннушка попробовала разбудить Петровича, но, махнув рукой, принесла одеяло, которым укрыла несчастного, и ушла в соседнюю комнату, чтобы и самой поспать...

Оттенок седьмой — цвет голубой крови

Петрович сидел перед компьютером и внимательно что-то рассматривал на мониторе. Затем откинулся на спинку кресла и вдумчиво закурил. Его мысли были заняты обдумыванием

только что прочитанного, но платить триста рублей за какое-то там генеалогическое исследование он не был готов.

Потушив окурок среди зверски замученных собратьев, Петрович кхекнул и, выключив компьютер, поплёлся собираться на работу. Посмотрев в зеркало и не обнаружив там мученического венца, Петрович тяжело вздохнул ещё раз, поправил кашне, аккуратно обёрнутое вокруг шеи, и, подхватив свой любимый чемоданчик, отправился в путь на ненавистную работу.

Хотя почему ненавистную?

Был Петрович собирателем историй и образов, а уж столько образов, сколько он видел за всю свою тридцатилетнюю рабочую жизнь, пожалуй, не видел никто. И именно за это он и любил свою работу, хотя и в экскрементах копать ему приходилось достаточно часто. Но Петрович жаловаться не собирался.

На работе, как всегда, была Аннушка, и мысли Петровича перескочили на неё. Не любил он Аннушку, хотя и сам не понимал — за что же. Вроде и премии она ему выписывала, и относилась по-человечески, а вот жеж оно. Кто разберёт тонкую душевную организацию маленького человека?

Петрович аккуратно поставил чемоданчик на свой стол и принялся в нём копать, издавая металлический лязг.

— Петрович, а нельзя ли потише немного? Я тут мозги пытаюсь в кучу собрать, — немного раздражённо попросила Аннушка.

Мужчина страдальчески скривился:

— Эх, Аннушка, знала бы ты...

— Что? — рявкнула женщина, и Петрович понял, что она явно не в настроении.

Закрыв чемодан, мужчина присел за стол и стал наводить порядок в ящиках стола.

Аннушка подняла голову:

— Петрович!

Мужчина резко подскочил и, ударившись головой о полку над своим рабочим местом, понял, что выражение «искры из глаз» взято не с потолка. В его мозгах что-то крутанулось:

— Да какой я вам Петрович?! Меня зовут Иван Петрович! — И он с ужасом понял, что впервые за двадцать лет произнёс своё имя вслух и вроде бы даже как-то начальнице своей хамит, но остановиться уже не мог. — В конце концов, Анна Сергеевна, какого рожна вы вечно меня тыкаете носом в экскременты?! Мне просто интересно, честное слово! Мой род ведёт начало практически от Рюрика. Да, да, того самого, который власть на Руси захватил! Так что требую, а пока просто прошу — человеческого обращения! Петрович — это кличка для собаки! — разбушевался мужчина, не обращая внимания на то, что начальница его застыла соляным столпом, аки Лотова жена.

Аннушка не любила ругаться с Петровичем и даже как-то побаивалась его, особенно когда тот был пьян. А судя по его дерзкому поведению — он был в зюзю.

— Петрович... Ой, Иван Петрович, ну вообще-то ты, простите, вы сами попросили вас так называть. Видите ли, вам не нравилось ваше имя, а отчество вы вполне переваривали, — опешила женщина.

Петрович пытался остановиться, но не мог:

— И вообще, я требую увеличения зарплаты, а на сегодня я беру отгул, коих у меня, насколько я помню, накопилось прилично.

Мужчина подхватил чемодан и вылетел на улицу, хлопнув дверью.

На улице его продолжило трясти, и он решил пойти домой, чтобы прийти в себя. Вокруг щебетали птички, мяукали коты, и с удивлением Петрович обнаружил, что на улице весна. Это открытие настолько поразило его, что он остановился и пробормотал:

— Итишкина жизнь, а ведь хорошо-то как! Не просто хорошо, а прекрасно.

Тут его мысли снова обратились к генеалогическому древу, или по-простому — родословной.

— Дурак ты дурак, Петрович, — обозвал сам себя наш герой, подхватывая чемоданчик.

— Ну куда ты решил лезть со своим рылом да в калашный ряд.

Он продолжил путь домой, бормоча что-то нечленораздельное себе под нос. Его взор упал на любимую забегаловку «Три поросёнка», и трудное решение было принято.

Зайдя внутрь, он заказал себе «Взрыв мозгов». Бармен с уважением посмотрел на Петровича:

— Дружище, я тебя, конечно, знаю... Но... Ты уверен?

— Конечно! — он вытащил сто рублей и положил на прилавок.

Бармен достал три бутылки и принялся смешивать адское зелье. Сначала пошла водка, затем виски и, в конце концов, — шампанское. Взяв бокал, Петрович занюхнул рукавом и выпил.

Ядерная смесь словно цунами пронеслась по организму Петровича раза четыре туда-сюда и ударила в голову, отчего мозги его прояснились, и он вспомнил, что же он наговорил Аннушке.

И тут Петровичу стало второй раз в жизни стыдно.

Первый раз его охватил стыд в далёком детстве — когда он и мама стояли в очереди к Мавзолею, мама решила отлучиться в магазин за дефицитной колбасой. Прошёл час, очередь медленно, но верно двигалась, мамы всё не было... Пошёл второй час, мама не возвращалась, и Ваня чувствовал, как к глазам подступают слёзы. Он беспомощно завертел головой, и его метания заметил неприметный мужчина лет тридцати:

— Мальчик, что случилось?

— Дя... дяденька, — Ваня всё-таки начал плакать, — мама ушла за колбаааааской, а меня ос... оставила... А мне страшно без неё...

— Не плачь, мальчик. Тебя как зовут?

— Ваня. А вас?

— Дядя Вова. Держись за руку, сейчас пройдем.

Мальчик доверчиво сжал тёплую и большую ладонь дяди Вовы, и тот повёл его куда-то в сторону. Там он с кем-то переговорил, и их провели в Мавзолей через чёрный ход. Перед глазами ошеломлённого мальчика вырос постамент, на котором стоял гроб, из которого торчал нос и кусок лица. Дядя Вова поднял мальчика повыше, и тот увидел Владимира Ильича — он был сух, сморщен и желтоват.

С тех пор Петрович и записал.

Через пару минут они вышли на улицу, и Ваня увидел маму, которая металась туда-сюда.

— Твоя мама? — спросил дядя Вова.

— Да. Мама! Мамочка! Мамуля! — кинулся к ней Ваня.

— Сынок, я тебя уже потеряла! А вы кто?

Мужчина показал красную книжицу, и мама Вани как-то уменьшилась в размерах, хотя была дамой габаритной.

— П-п-простите, не ожидала, что так выйдет. Сама-то я в Мавзолее была, а вот сыночка...

— Ничего страшного. Мы посмотрели.

Дядя Вова подмигнул мальчику и растворился в толпе.

Закончив детские воспоминания, Петрович попросил ещё один «Взрыв мозгов», который скользнул внутрь словно мягкая пенка, и вернулся на работу, купив предварительно букетик чахлых ландышей у бабульки в метро.

— Анна Сергеевна, я это... извиниться пришёл. Сам не знаю, что на меня нашло, — и, неловко сунув букетик оторопевшей Аннушке в руку, поспешил скрыться на время подвернувшийся вызов.

Так Петрович вернулся в народ.

Оттенок восьмой - цвет деревенской пасторали

Любил Петрович лето — иногда у него в это время бывал отпуск. Тогда он собирал свой верный замшелый чемоданчик, запихивал за пазуху своего кота Карму и уезжал в деревню к своему лучшему другу — Василичу, с которым его связывали почти сорок лет дружбы.

Вот и в это лето у Петровича нарисовался краткий отпуск, который он решил использовать на полную катушку. Послав воздушный поцелуй Аннушке, Петрович убежал домой, словно молодой сайгак, притоптывая по дороге от радости.

Собрав чемоданчик и полчаса поборовшись с кошаком (который понимал, что его ждёт, и всё-таки запихнув того за пазуху), Петрович умчался на вокзал, несясь так, будто за ним гнались все белочки и черти.

В электричке было относительно малоллюдно, что Петровича несказанно удивило и немало обрадовало. Он вытащил потрёпанный сканворд и обмусоленный огрызок карандаша, устроился поудобнее и принялся заполнять клеточки. Так незаметно прошло два часа.

На платформе Петровича встречал Василич. Он был рад увидеть своего старого друга, с которым они прошли огонь, воду и медные трубы — и это не в иносказательном смысле.

— Петрович, старый хрен! Всё топчешь старушку землю?

— Василич, не то слово!

Пока старики-приятели шли к дому Василича, Петрович вкратце рассказал о своей жизни и тех приключениях, которые случились с ним за последний год.

— Да ты что! — простодушно умилился Василич, похлопывая друга по плечу.

— Вот и пришли.

Василич с трудом открыл полупудовый навесной замок и первым прошёл внутрь. Откуда-то из темноты раздался лязг цепи, и на свет выполз старый кобель, нервно потягивая.

— О-о-о-о, Василич, Серко-то ещё жив?! — Петрович наклонился и потрепал кобеля по загривку. Тот блаженно приоткрыл пасть, откуда тоненькой струйкой падала слюнка.

Внезапно Серко обнаружил, что прямо в его маленькую собачью душонку заглядывает сам ад — из-под пальто Петровича выглядывал ненавистный кот. Тоненько взвизгнув, Серко поскорее убрался в свою конуру, забился в самый её дальний угол и со страху так обмочился, горестно вспоминая годы своей юности, когда только от одного его вида все жители деревни оказывались на деревьях, стоило Серку сорваться с цепи.

Кот... Ненавистный кот...

Серко поднял голову к потолку будки и грустно завыл.

Петрович и Василич уселись на завалинке, с аппетитом лузгая семечки, и наблюдали, как Карма носится по улице, наводя страх на окрестных кобелей и котов. Те с визгами и пис-

ками ныкались по самым разнообразным закуточкам, признавая Петровичева кота практически императором этой улицы.

— Жив, и жрёт за семерых, дружище. Итить, ты и кота своего приволок. Ну, всё как всегда.

Зайдя в дом, приятели хлопнули по рюмашке, закусили солёными огурцами, после которых хотелось выпить весь Байкал. Карма, устав носиться по улице, уже сидел на краю стола и методично пожирал ломтики сала с блюда, которое ему поставил предусмотрительный хозяин дома. Наевшись, кот сыто рыгнул и, тяжело спрыгнув со стола, упал возле ноги хозяина и заснул, издавая богатырский храп.

Приятели методично нажирались, пока хозяин не вспомнил о правилах приличия:

— Ппп... Ппп... Петрович, — еле выговорил мужчина, — а я ведь, итить, баньку затопил же. Айда?

— Айда, — кивнул Петрович, и они ушли в жарко натопленную баньку, где продолжили возлияния.

— А что у мммменя есть, — вымучил из себя Василич, натянул простынку и выбежал в предбанник, где долго чем-то шуршал и звенел.

Вернувшись, он показал Петровичу трёхлитровую банку с мутной жидкостью.

— Вот, дружище. Это жемчужина мммоей коллекции. Лично гнал. Семь потов сошло.

— Что это?

— Не бойсь, не отравлю. Самогонка енто — кукурузовая.

Василич снял крышку. Духмяный аромат разлился по помещению, и Петрович почувствовал, как в нём просыпается воля к жизни. Но знакомый аромат пробудил к жизни и ещё кое-что...

За дверью баньки раздался какой-то гул. Василич прислушался:

— О, Петрович, сегодня, оказывается, каждогодний праздник — стенка на стенку!

— И что надо тут делать? — спросил пока ещё Петрович, чьим мозгом пытался овладеть подполковник Маккрейн.

— Ну, Петрович, вспомни свои восемнадцать лет, когда мы с тобой полдеревни выносили...

В этот момент Маккрейн овладел головой Петровича полностью, и с визгом: «Ки-а-а-а-а!» — тот ломанулся на улицу, не забыв прихватить с собой деревянную шайку.

На улице творилось нечто странное: куча мужчин в возрасте от шестнадцати до сорока пяти лет, обуреваемых спермотоксикозом и пьяным буйством, приглашала на так называемую драку.

Не разбираясь, Петрович влетел в самый центр скучившейся толпы и принялся раздавать удары шайкой направо и налево.

— Вот зе фак, — кричал подполковник, подпитываемый кукурузной самогонкой, — ит из зе бе-е-е-ест!!! Раша форева! — снёс он с ног упитанного мужчинку с плешкой на левой стороне головы. Тот неловко хрюкнул и упал на землю.

Следующим был прыщавый юнец лет осьмнадцати. И дальше Маккрейн (он же Петрович) ничего уже не помнил.

— Эх, Петрович, — донесся откуда-то голос, — вот это ты вспомнил, так вспомнил...

Мужчина приоткрыл один глаз — рядом с ним сидел Василич, держась за левую сторону головы.

— И меня засандалил. Ну как так можно?

— Вот видишь, Василич, не врал я тебе.

Петрович горестно прихрюкнул и потянулся за огненной водой, которую всосал в себя с мощностью пылесоса. Ему немного полегчало, но что случилось на улице — так и осталось для него тайной, а Василич делиться информацией как-то не захотел...

Оттенок девятый - цвет тайландской революции

Ранним летним днём Петрович, как обычно, вкушал свой любимый огненный напиток, аккуратным бисерным почерком заполняя ежедневник. Вдруг его пиджак, лежавший на столе, завибрировал и поехал в сторону.

Вытащив из кармана дьявольское изобретение, иначе именуемое мобильником, Петрович узрел, что звонит ему Аннушка.

— Да, Анна Сергеевна, слушаю вас.

— Петрович, здравствуй. Тут дело к тебе есть. Видишь ли... — Аннушка замаялась. — Ты по итогам полугодия признан лучшим работником ЖКХ города, и тебя решено премировать поездкой. В Таиланд.

Аннушка не стала говорить, что деньги были выделены городом вовсе не на поездку и тем более — Петровичу, а их просто не успели освоить. И дабы не перекрыть себе поток денег, было решено на остаток купить путёвку и отдать её Петровичу, чтобы хотя бы две недели пожить без него.

— Это к транссексуалам, что ли? — проявил недюжинную образованность Петрович.

На том конце в трубку дико хрюкнули.

— Ну, можно и так сказать. Две недели с питанием и проживанием в трёхзвёздочном отеле рядом с Бангкоком.

— Ух ты, Анна Сергеевна, даже и не знаю, что сказать.

Петрович открыл ящик шкафа и вытащил оттуда покрытый пылью загранпаспорт, оформленный им года три назад по синей лавочке.

— Заграничный паспорт у меня есть. Так что готов.

— Вот и чудесно, — выдохнула Аннушка. — Вот и прекрасненько. Собирайся, Петрович. Путёвку я тебе сегодня занесу. И котика своего можешь взять.

— А вот за это спасибо. Уважили старика, хе-хе.

Он повесил трубку и стал рыться в интернете, узнавая историю и нравы страны, куда собирался ехать, поскольку кроме того, что там есть трансгендеры и транссексуалы, Петрович больше ничего не знал. Затем он записался вместе с котом на приём к ветеринару, чтобы оформить выезд, и принялся на радостях допивать огненную воду.

Через пару часов раздался звонок в дверь — приехала Аннушка. Поскольку Петрович бывал иногда вежлив, то и сейчас пригласил Аннушку попить чая. Та вежливо отказалась, сославшись на занятость, и уехала.

Петрович гладил и мял билеты, даже попробовал их на зуб, но всё было честно.

Через неделю, сделав все необходимые процедуры и прививки, Петрович и Карма ожидали такси до аэропорта. Кот недовольно курлыкал в переноске, а хозяин его успокаивал.

Как ни странно, такси приехало быстро, поездка до аэропорта тоже обошлась без приключений, и через несколько часов Петрович спускался по трапу в жаркой стране.

У здания аэропорта болтался тощий оборванец с табличкой в руках, на которой было корявыми буквами написано: «PIOTROVISCH». С трудом прочитав надпись, мужчина подошёл к встречающему:

— Привет, это вы меня встречаете?

— Да, — расплылся в улыбке чувак. — Минья завуд Таксин. Можна проста Так.

— Хорошо, Так.

— Пойдемте, господин. Я довезу вас в отеля.

Русский Така был просто ужасен, а его машина и манера вождения заставили остатки волос Петровича станцевать сальсу на его лысинке.

По пути мужчины разговорились:

— Господин, пажаласта, будьте осторожно. Сейчас немного мала-мала волнения в стране. Как вы не бояться сюда ехать? — Петрович почувствовал западло и понял, что надо выпить. — Правительство наша, король, — Петрович подумал, что проводник сейчас в него плюнет, поскольку последовала непереводаемая игра непонятных звуков, — мала-мала плохо делай, но туриста обожать. Потому для вас всё, всё для вас. Я жить в России — мала-мала, учить язык, мала-мала, и как учёный — я больше получать денег. Но всё равно — мала-мала, — лыбился проводник и, вращая глазами, прямо-таки лучился намёком на получение чаевых чуть больше, чем обычно, причём прямо здесь и сейчас, но Петрович был человек простой и намёков не понимал.

Наконец машина остановилась у так называемого отеля, который размерами был чуть больше, чем конура для дворовой собаки.

— Что это? — с тихим ужасом спросил Петрович.

— Отеля, госпадин, отеля. Лучшая пригорода Бангкока. Всё для вас, всё для вас.

У Петровича задергался глаз, а Карма горестно завыл, и почему-то сразу захотелось домой — к родным берёзкам и тёплой водке в мыльнице, и даже Аннушка перестала казаться в этот момент ведьмой.

Но Петрович не был бы Петровичем, если бы не преодолевал трудности, сваливавшиеся на него. Внутри отель был лучше, чем снаружи, и даже девочка на рецепции немного знала русский язык.

— Плиз, ю ключ от номера. Номера-люкс, — с поклоном его проводили до комнаты.

Открыв дверь, Петрович узрел крохотную комнатку, по сравнению с которой его ванная была дворцом. Осторожно опустив переноску с котом на кровать, которая предательски скрипнула, Петрович огляделся. У окна стоял холодильник, открыв который, он увидел множество маленьких бутылочек.

Пять штук, проглоченных за раз, привели его в благодушное расположение духа. Достав свой наладонный компьютер, Петрович поудобнее устроился в кресле, начиная чтение истории Таиланда. Через сорок минут его богатырский храп сотрясал стены хлипкого здания.

В дверь робко поскреблись:

— Господин, обед.

Петрович продрал глаза, плеснул себе в лицо холодной воды и спустился вниз. Девочка с рецепции отвела его в столовую и усадила во главу стола. На обед был подан местный суп — том ям. Попробовав который, Петрович решился потребовать добавки — настолько он ему понравился. На второе были спринг-роллы, и завершал обед коктейль «Блэк энд вайт», а по-русски — виски с колой.

После еды Петровича потянуло в сон. Он закрылся в номере, вытащил кота, дал ему честно утащенный ролл и со спокойной совестью задрях.

На второй день, как белый человек, надев любимые дедовские труселя с фотографией Будённого на интересном месте, Петрович решил выползти к бассейну и посорить деньгами. Всё-таки отдых такой раз в жизни выпадает.

Кот неотступно следовал за ним. Обслуга отеля и проживающие в нём умилялись зверушке, правда, гладить не рисковали — то ли потому, что Карма незаметно показывал лапу с когтями по пять сантиметров каждый, то ли потому, что котик по пути доедал несчастного дикобраза. Но, рассчитывая на чаевые, обслуга указывала на фото Семёна Михайловича и, умильно шурясь, говорила:

— Кися, какая холосая кися! — что немного вывело Петровича из состояния душевного равновесия.

У бассейна Петрович занял сразу два шезлонга: в один уселся сам, во второй сунул тушку кота и подозвал местного гарсона, занимавшегося раздачей алкоголя.

— Да, господин?

— Принеси-ка мне самый дорогой коктейль, — потребовал Петрович, неумело щёлкнув пальцами.

Гарсон вздохнул, но промолчал, так как помнил, что могут эти русские, которые всегда почему-то начинают с коктейлей, а заканчивают злой сивушной брагой и нанесением побоев персоналу.

Через несколько минут на столик рядом с Петровичем опустился стакан, в котором на дне плескалась жидкость цвета янтаря, два зонтика, маленькая засушенная оливка, сморщенная луковка и прочая фигня, которую, по мнению Петровича, специально не вытащили на кухне.

Зло прищурившись, он посмотрел на гарсона, подумав, что тот наверняка ещё туда и плюнул, поскольку видок у пацана был слишком елейный. Ничего не сказав, Петрович закрыл глаза и начал морально готовиться к поглощению напитка.

Тут по его ногам что-то пробежало. Открыв глаза, он увидел бегущего невысокого человечка с предметом в руках, ужасно походившим на трёхлинейку. Вздохнув, Петрович посмотрел на кота — тот доел дикобраза и теперь лежал на спинке, подставив тайскому солнышку своё пузико.

Вдруг шезлонг Петровича опасно накренился, и тот обернулся — уже второй человечек с винтовкой бегал кругами вокруг бассейна и что-то яростно кричал. Местный гарсон сблелнул с лица и лопотал в ответ.

— Чё происходит? — спросил Петрович.

— Ничо, ничо, — промямлил гарсон.

И тут возник из ниоткуда давешний проводник.

— Пиотровисч, плохо мала-мала, революсия. Надо бежать, мала-мала.

— Что?! — взрычал мужчина. — Никуда я не пойду. Какого хрена?!

Проводник съёжился до размера морской свинки.

— Пиотровисч, рюсский ты, поверь — мала-мала революсия, плехо будет, да.

— Я никуда не пойду, едрить вас в качель. Дайте пролетарию отдохнуть, революционеры хреновы. Идите в жопу.

И, расправив на шезлонге своего Будённого, приготовился вкусить коктейль. Но сделать ему этого не удалось — пробежавший очередной коротышка задел столик, и бокал, упав на каменные плиты, разбился...

Неожиданно наступила тишина.

— Да что ж ты творишь, хрен с горы? — заорал Петрович.

Следующий пробежавший коротышка молчаливо зыркнул на него и ловко выдернул шезлонг из-под кота. Тот приземлился жопкой на плитку и одурело замер — ранее никто себе такого не позволял, ну разве что только суицидники.

— Какого хрена?! — вежливо поинтересовался Петрович. Всё-таки он был из породы вежливых людей. — Тебе что — шкурка не дорога?!

— Пиотровисч, — испуганно заверещал проводник, — не нада!! Это революсия, они делать революсия, кидать короля и надо тебе в отеля, быстро, быстро!!

— Ну тут уже всё, — констатировал Петрович, чувствуя, как кровавая пелена застилает его глаза.

С криком:

— За рабочий Таиланд, за Пхумипона* нашего Адульядетушку!!! — он выхватил у коротышки винтовку, звезданул его по голове, а затем ураганом пронёсся по площадке с бассейном, оставляя за собой поверженных тайских революционеров.

Те слабо подёргивали конечностями, пытаясь достать застрявшие в интересных местах зонтики для коктейлей, но усилия были тщетны.

Злой Петрович, которому звездец как испоганили отдых, понёсся дальше, наводняя пригород Бангкока ужасом и трепетом.

С криками:

— За Адульядетушку! — Петрович очутился на главной площади города, где принялся раздавать люлей направо и налево.

В Карму же словно вселился сам дьявол, и он вихрем носился по площади, вселяя страх в сердца людей.

Сторонники короля, заражённые энтузиазмом странного русского, наконец-то вышли из ступора, и через несколько часов всё было кончено.

Подобрав своего зверика и посадив его на плечо, освещаемый закатными лучами солнца, Петрович, уставший, но довольный, шёл в сторону своего отеля. По пути он то и дело останавливался, прислушиваясь к звукам утихающего боя, гладил кота по голове и угощал его ворованными из отеля спринг-роллами...

*Пхумипон Адульядет (Рама IX) — король Таиланда, правивший с 1946 по 2016 год. (Примеч. автора.)

Оттенок десятый - цвет нации

У Петровича было несколько любимых праздников — день рождения, день студента, 9 Мая и Новый год. В эти дни он покупал себе бутылку огненной воды ценой в восемьсот рублей и предавался воспоминаниям.

Вот ему одиннадцать лет. Его отец служит в военной части на должности замполита.

В тот жаркий не по-весеннему день отцу подарили двадцатичетырёхтомник сочинений Владимира Ильича Ленина. Довольный капитан тащит сие домой, где жена устраивает небольшой попил мозгов:

— Вот! Дома жрать нечего, а он книжки таскает!

— Цыть, чудовище моё! Это не просто книжки, а собрание сочинений великого Ленина!

— Ага, а дитё кормить ты Лениным будешь?

От такой крамолы замполит сначала побелел, потом покраснел, затем позеленел. Эту гамму с интересом наблюдал юный Ваня.

— Папа, папа, а зачем тебе эти книжки?

— Сынок, — отец ласково погладил его по голове, — запомни: партия и Ленин — едины. К чему это было сказано, Ваня так и не понял.

Спустя пару недель Ванин отец оттащил сборник высказываний Ленина в гараж да и благополучно забыл об этом.

Весна выдалась жаркой на события — приёмы в ВЛКСМ, в партию, в пионеры. А в Ванином классе объявили сбор вторсырья.

— Итак, дети, — медленно расхаживала среди рядов классная руководительница, высокая, статная брюнетка, она то и дело поправляла очки: — Те, кто сдаст больше всего макулатуры или металлолома, будет премирован, а именно — получит годовую подписку на журнал «Мурзилка».

— Ура!!! — зашумел класс, а Ванечка уже прикидывал, что он может сдать.

Прошло две недели, до конца соревнования оставалось совсем немного. Ваня и отличник класса Женя шли практически ноздря в ноздю. Воскресным вечером отец позвал сына с собой в гараж, и они вместе устроили профилактический осмотр «Ласточки» — так ласково замполит называл свой жигулёнок. Когда они почти закончили, Ванин взгляд упал на книжки дедушки Ленина, и у него родилась идея...

Ранним понедельничным утром Ваня, пыхтя от натуги, тащил в пункт сбора макулатуры двадцать четыре тома сочинений Ленина. Он чувствовал, что именно это поможет выиграть соревнование по сбору вторсырья. Эти последние пять кило должны были помочь Ване победить.

— И первое место, с отрывом в два с половиной килограмма, занимает... занимает... Ваня!

В классе повисла тишина на несколько секунд. Ваня не верил своему счастью и уже представлял, как держит в руках вождённый номер «Мурзилки». Вдруг в класс вошёл директор школы и шепнул что-то на ушко учительнице. Ученики с любопытством пронаблюдали радужный спектр на лице учительницы. Та задержала взгляд на Ване и, как ошпаренная, выскочила в коридор.

Через час Ваню забрал молчаливый и очень хмурый отец. Не сказав ни слова, он взял сына за руку и вывел на улицу.

— Сыночка, — нарушил молчание Пётр, — а вот скажи мне: кто надоумил тебя принести в макулатуру, — тут отец прищурил глаз, — собрание сочинений Ленина?

— Пап, но тогда бы я не выиграл!

— Сыночка, солнце моё, ты променял письма великого человека, — отец замолчал, и Ваня нутром почувствовал приближение папиного кожаного ремня к своей заднице, — на подписку на какую-то херню?

— Что, папа? — раньше Ваня таких слов не слышал.

— Ты слышал, сынок. Ещё раз: кто — надоумил — тебя — сдать ПИСЬМА ЛЕНИНА?!

— Никто, папа. Я сам. — Ваня пожал плечами. — Они всё равно лежали в твоём гараже. Отец схватился за сердце:

— Об этом ты тоже рассказал?

— Что ты, пап! — горячо зашептал мальчик, прижимаясь к отцу. — Ни в коем случае! Лежали себе и лежали. Их уже мыши погрызли... Да и грязные они...

Отец посмотрел на продолжателя рода и неожиданно взъерошил тому волосы:

— Эх, сынок, знал бы ты...

Дома, в растрёпанных чувствах, их встретила мать. Налив своим мужикам суп, она молча нарезала хлеб и ушла в залу.

Только спустя много лет Ваня узнал, что тогда какая-то скотина настучала на его отца в партком за якобы небрежное отношение к коммунистическим ценностям.

С тех пор Петрович и запил.

Махнув ещё рюмку, Петрович рассеянно погладил кота, который с непонятными целями пристраивался к его ноге:

— Эх, Кармыч, жизнь — это пипец какая сложная штука. Нам ей ещё учиться, учиться и ещё раз учиться...

Оттенок одиннадцатый — цвет долговых обязательств

Ранней весной любил Петрович выйти на улицу в свободное от работы время, и попрекаться мыслям своим всяческим. Вот и в тот день, Петрович сидел на лавочке у парадной, почесывал Карму, пока тот подставлял пузико и жопку теплым лучам, и думал о своей нелегкой судьбинушке. Вдруг кто-то вытащил его в мерзотный реальный мир обратно.

— Петрович, — ощерился в улыбке местный бомж Валера, — вот сидишь ты и в ус не дуешь, а тут... Тут! — вместо дальнейших слов Валера протянул Петровичу бутылку с жидкостью золотистого цвета.

— Что это? — подозрительно спросил тот.

— Это, Петрович, это... Живительная влага, нектар, божественная амброзия, чувак!

— А поконкретней?

— Текила, брат! — Петрович подивился словарному запасу данного индивидуума, но бутылку взял, и сделав небольшой глоток, понял, что ему очень этой живительной влаги хочется. Как назло, зарплата должна была прийти через три дня, влага к себе манила, и тогда Петрович совершил необдуманный шаг...

В соседнем дворе располагалась небольшая ростовщическая конторка подвального типа под названием «Бабки на халяву». Процент, конечно, был очень грабительский, но те, кто брали там в долг, деньги возвращали быстро, ибо ходили слухи, что подрабатывали там мастера паяльника и утюга с большой дороги.

Вздыхнув, Петрович перекрестился (хотя в бога не верил) и спустился к кровопийцам, а через пять минут вышел с суммой, достаточной, чтобы прикупить пару-тройку бутылок вожделенной текилы.

Дома он залез в интернет и прочитал, как ее правильно пить.

— Лайм, соль, да идите вы в жопу, — с чувством сказал Петрович, почесывая кота, — мне и так неплохо будет. — Текила на удивление пошла хорошо, гадостного послевкусия она не оставила, и Петрович с чувством выполненного долга, ровно через три дня погасил свой кредит.

Прошла неделя, и неожиданно на мобильник нашего героя начали приходить странные сообщения — то кто-то грозился вытатуировать на нем с помощью паяльника всю карту мира, то обещались научить Петровича плавать в Мариинской впадине, ну, и прочая лабуда.

Спустя еще пару дней, в дверь Петровича позвонили. Он посмотрел в глазок — там никого не было. Прихватив свой любимый туристический топорик, оставшийся еще от папеньки, он вышел на лестницу, и так и ахнул — вся парадная была расписана гневными,

совершенно отвратительными словесами вроде: «Петрович — вор! Петрович — верни деньги, а то твои работодатели познакомятся с твоим исполнительным листом!»

— Ай-я-я-яй, — посокрушался Петрович, и, вернувшись в квартиру, убрал топорик с глаз долой.

Что-то не давало ему покоя, он вытащил папочку, в которой хранил все документы и справки, полученные им в жизни, и проверил платежную квитанцию, из которой следовало, что долг им перед конторой «Бабки на халяву» закрыт полностью. Убрав папочку на место, Петрович вздохнул с облегчением, однако, угрозы не прекратились, а даже удвоились.

На следующий день, выходя на работу, он с отвращением увидел надпись на стене рядом с дверью своей квартиры (сделанную, судя по запаху — фекалиями) следующего содержания: «Вор! Верни долг!» и Петрович не выдержал.

Позвонив Аннушке, и отпросившись у нее на денек, Петрович вытащил из шкафчика топорик, и отправился в ту самую контору.

За столом сидела та же самая девчушка, что выдавала ему деньги и квитанцию о списании долга. Мужчина присел на стул:

— Привет, миленькая, — кашлянул он.

— Да?

— Деточка, а проверь-ка пожалуйста, закрыл ли я долг. А то ведь старенький я, памяти нет, — и Петрович протянул ей свой паспорт. Девчушка потыкала в клавиатуру наманикюренным пальцем и сказала:

— Да, Иван Петрович, кредит Вы погасили. Можете быть спокойны.

— Дочушка, а напечатай мне справочку об этом, пожалуйста, — что сотрудница и сделала.

Дома Петрович спрятал справочку, и принялся думать, что же ему делать. Внезапно Карма выгнулся дугой и яростно зашипел на дверь. Выхватив из чемоданчика топорик, мужчина вышел на лестницу, там, двое плечистых уродов портили свежескрашенную стену нехорошими надписями.

— Мужики, — прищурился Петрович, — а что это вы делаете?

— Пшел вон, дед, — рявкнул на него чувак постарше, второй продолжал уродовать стену.

— Ребятки, а может, не стоит? Себе же дороже получится, — попытался он их усовестить.

— Дедок, шел бы ты туда, куда Макар телят не гонял. — Второй пачкун отвлекся от раскраски стены и посмотрел на дедушку.

— Из какой квартиры будешь, дедуля?

— А вот из этой, — бесхитростно показал Петрович. Мужчины переглянулись, и вместе с хозяином, проникли в квартиру, втащив его под руки.

— Так, так, так, старый козел, значит, должки отдавать не любим? А денежки брать любим, — протянул один из напавших. Петрович покачал головой:

— Ребятки, вы что-то путаете, я у вас ничего не брал. И вообще — первый раз вас вижу.

— Да что ты говоришь, наглая ты должницкая морда! — Накручивали себя парни, упиваясь своим чувством безнаказанности. Первый нарочито поиграл мускулами:

— А ты знаешь, ЧТО я могу сделать? Возьмем к примеру, твою милую кисаньку, — парень наклонился к животному и положил руку на его теплый бочок, Карма в недоумении приоткрыл один глаз и приподнял бровь. Парень продолжил:

— Сниму с него шкурку, задублю и подарю своей жене в виде муфточки, — кот открыл второй глаз, а наглая рука начесывала уже его шею, — а из лапок, дедуля, сделаю амулеты, и продам. Ну а хвост оставляю себе в качестве трофея, — в подтверждение своих слов парнишка легонько сжал вышеназванную часть тела кота в кулаке. Кот заорал так, как не орал при лишении своих причиндалов, и кинулся на обидчика, вцепившись ему когтями всех четырех лап чуть пониже ключиц, а затем медленно съехал по телу парня, старательно прочерчивая

борозды когтями. Напавший на кота заорал еще громче и неожиданно заплакал от боли. Второй мужчина стоял столбом, не обращая внимания на действия должника, а зря — тот вытащил из чемоданчика сантехнический тросик и неторопливо его разматывал. Увидев жуткие раны на теле своего напарника, амбал бросился бежать, но не тут-то было — ловко брошенный трос оплел его ноги и мужчина с размаху приложился головой об пол.

— А теперь, внучата, внятно объясняем, кто вы и что вы у меня делаете?

— «Бабкинахаляву.ком» — простонал первый, скорчиваясь от дикой боли в порезах.

— Аааа, ребяташки. Так что же вы сразу не сказали — у меня и справочка есть, что долго-то у меня и нету, — Петрович вынес свою заветную папку и сунул бумажку под нос раненого. Тот сквозь слезы рассмотрел все реквизиты, и понял, что они очень сильно ошиблись.

— Простите нас, Иван Петрович, — распустил сопли первый.

— Нет уж, ребяташки. Свои ошибки надо смывать...

К ужасу своему раненый почувствовал, что в паховой области ему становится тепло, и он понял, что намочил штаны.

— Ай-я-яй, дружок, такой большой, а в штанишки писаешь? Карма, посторожи-ка второго, пока мы с внучком решаем проблемки небольшие.

Петрович щедро залил раны пострадавшего перекисью водорода, от чего мальчик стонал и плакал, затем перевязал, и всучил ему емкость с краской.

— А теперь, внучек, ползи-ка на лестницу, и закрашивай ваше художество.

— А если..? — заикнулся тот.

— Кота спущу, — пообещал Петрович, и коллектор понял, что так и будет.

Спустя полчаса стены парадной сверкали новой краской, коллекторы, поддерживая друг друга под локоток, медленно уползли от парадной Петровича, а тот наблюдал за ними в окно и медленно поглаживал кота, приговаривая:

— Долг, конечно, платежом красен, а испоганенная парадная — коллекторами. — Кот подставлял свою голову под руку любимого хозяина и утвердительно урчал.

Оттенок двенадцатый — цвет куриного бульона

Ранним утром Петрович проснулся, как всегда, вроде бы, по будильнику, но будильник не работал, и он проснулся с ненавистью к этой механической штуковине. Он помнил, что ещё год назад будильник был поставлен на восемь утра, а сегодня эта фигня его подвела и промолчала, проигнорировав позыв Петровича к работе — на многострадальном будильнике стрелки показывали полдень.

Наш любимый сантехник потянулся и почувствовал ломоту в каждой клеточке своего тельца, не то чтобы тщедушного, но и на Халка Хогана он сегодня тоже не тянул.

Гулко покашляв и оставив мокроту на подушке, Петрович многозначительно протянул сиплым басом:

— Сегодня ваши унитазы останутся без моего присутствия.

Повернувшись на другой бок, он радостно захрапел.

Анна Сергеевна, как обычно, с шести утра профилактически обзванивала своих, не всегда уж и трезвых, подчинённых. Напротив Петровича в её журнале уже давно стоял прочерк: она знала, что эта старая общипанная сова может появиться в любой момент и спасти весь участок, причём как он это делал — Аннушка не знала.

Позвонив ему всего лишь около ста пятидесяти раз, Аннушка поняла, что настаивать не стоит, и бросила эту дурную затею, пытаясь вызвать сантехников менее ответственных, но более трезвых. Кое-как заткнув дыры, Аннушка решила выпить чаю, но что-то свербило в её огромной душе. Обычно после ста звонков её главный сантехник всегда поднимал трубку своего допотопного телефона, даже будучи в подпитии и не могущий связать пары слов. И тут в душе бригадира что-то шелохнулось. Яркое воображение неудовлетворённой дамы нарисовало

ей картину Петровича, прикованного к стене «хрущёвки», и печень его клевала размалёванная под орла тощенькая бабень.

Словно почувствовав физическую боль, сердце Аннушки готово было выпрыгнуть из её мощных грудей, и руководительница поняла, что подчинённого пора выручать.

«А вдруг он помер? — думала Анна. — Или, что ещё хуже — халтурит на соседнем участке? Такой измены я точно не прощу!»

И с этими мыслями полуторацентнерная руководительница ЖЭКа вздохнула, от чего нежно всколыхнулись все растения в округе и, на всякий случай, вернулись в состояние почек, а стол перед ней слегка вошёл в стену; Аннушка вскочила, схватила свою сумочку, в которую спокойно поместился бы «Тополь-М» и, как минимум, сам Петрович, к которому она, таки, не очень ровно дышала, и выбежала из своего кабинета, направив стопы в сторону дома Петровича.

Тем временем наш герой ворочался на своей продавленной тахте, которая помнила ещё нашествие Мамая; словно что-то почуяв, Петрович вскочил — так хреново его организму не было даже тогда, когда он выпил пару бутылок «палёнушки».

Петрович скакнул к холодильнику. Старый, добрый «ЗИЛ» никогда его ещё не подводил; резко открыв дверь, Петрович осоловевшим и больным взглядом оглядел нутро своего механического друга. На первой полке стояли «мерзавчики», перемежаясь с бутылками настойки боярышника; зная, что на данный момент это не лекарство, Петрович поднял взгляд немного выше — там стояли бутылки с рассолом, кои были закатаны им же этим летом, но и этот натюрморт не заставил пошевелиться ни единую мышцу в его организме. Подняв взгляд ещё немного выше и увидев в морозилке синюю, скорее всего павшую своей смертью курицу, мозг Петровича стал отчаянно дёргать за все нервные окончания, требуя сварить из неё бульон. В этот момент дверь квартиры несчастного сантехника слетела с петель и проём заполнило странно-любимое очертание.

Быстро пересекая коридор и сграбастав мощной лапищей, Аннушка ощупывала своего незаменимого работника даже в тех местах, которые к работе имели мало отношения...

Пискнув от возмущения, Петрович отрубился, но, придя в себя, наш герой увидел себя лежащим на своей тахте, а рядом стояла его работодательница, в латаном и застиранном сарафане, который валялся у Петровича на антресолях не один десяток лет; она держала в руках кастрюльку, от которой поднимался непередаваемый запах, от чего у Петровича защипало в носу, и слёзные протоки почему-то заработали.

— Аннушка, — залепетал Петрович, — я это... Захворал, по-моему.

Дальше язык отказался работать, и в качестве компенсации Петрович бешено завращал глазами.

— Вижу, милый, вижу, дорогой мой, — прошептала фигура в сарафане и, дабы найти общий язык с собеседником, также попыталась вращать глазами, при этом вливая в нашего героя парящий бульон.

— Ванечка, Ванюша, — шептала Аннушка (или это казалось Петровичу), пытаясь приладить воронку ко рту болящего и вливая по капле животворящий бульон, глядя плотоядно на съеживающееся тельце.

— Кушай, наша радость, кушай, наше солнышко, — лепетала умиляющаяся Аннушка, вынимающая кости из кастрюльки, которые могли попасть в воронку, и перемалывающая их во все свои зубные ряды, как у акулы (по крайней мере, так казалось Петровичу). Убедившись, что подчинённый съел весь бульон, Аннушка заботливо подоткнула под тушку одеялко, не забыв завязать его сзади на узелок. Глядя с любовью на своего работника и чувствуя что-то большее, чем отношение работодатель — работник (возможно, что-то близкое к материнскому инстинкту), Аннушка, пуская скупую слезу, ткнула бедолагу кулаком, пролепетав:

— Отлежись недельку, роднуля, я же вижу, как ты горишь.

На этих словах она замечталась о чём-то своём девичьем и попыталась снять старый сарафан, но быстро поймав себя в руки, уже строго сказала:

— Через неделю мы ждём тебя на объекте!

Несчастный Петрович, еле раскрыв рот, спросил:

— На каком?

На что Аннушка ответила:

— На Перестройки, 15, квартира 70...

— Это же ваш адрес, Анна Сергеевна, — с трудом пролепетал испуганный Петрович.

Поправив кокошник, одёрнув сарафан, втянув слёзы взад, Аннушка сквозь зубы проговорила:

— Есть информация, что будет засор... — Хмыкнула и убежала.

С воронкой во рту, кастрюлькой на голове и мятыми чувствами Петрович лежал на своей выдавшей виды тахтушке; своим куцым мозгом он пытался понять, что произошло, не обращая внимания на соседских мальчишек, что забегали в пробитую дверь и тыкали в Петровича палочками, тупо хихикая; у него не было сил поменять горшок своему плешивому Карме; бедолага лежал и думал о том, как же здорово, что есть женщины, которые двери снесут, и бульон сварят, и запугают так, что через неделю захочется пойти на работу...

Оттенок тринадцатый — цвет жука-коробейника

Любимыми праздниками Петровича были Новый год и День студента. В Новый год он любил вспоминать, как докатился до жизни такой, а в День студента Петрович обычно вспоминал своё обучение. Вот и в этом году праздник не обошёлся без воспоминаний...

Год 197...

Молодой, ещё с шевелюрой, Петрович с восторгом осматривал своё новое жилище. Ему, взращённому в коммуналке пять на два метра, комнатуха в целых пятнадцать метров на пятерых казалась раем, и у него даже была своя тумбочка, в которой он мог хранить свой кластер с редкими жуками СССР, половина из которых уже вымерла, а следовательно, имела и историческую ценность.

Как жалко, что на тот момент салабон Петрович не задумывался о том, что свою редкую коллекцию он может в дальнейшем «загнать» за бешеные бабки какому-нибудь фонду Сороса, что помогло бы им лишний раз утвердиться в мыслях о геноциде советского человека в отношении редких видов.

Наш герой поставил институт в сложное положение (об этом в дальнейшем он, конечно, узнал — от ректора за бутылкой домашней наливки); ради пытливого студента был создан целый факультет по изучению жизни и миграции столь редкого и столь нужного советскому обществу жука-коробейника.

Юный Ваня первым осмелился вытащить этот вопрос на повестку дня равнодушных граждан. Этот маленький, тщедушный, убогий жучок был известен тем, что только он, единственный, никоим образом не создавал проблем для советского сельского хозяйства. Петрович, будучи идейным комсомольцем, посчитал, что заслуги несчастного жучка умалются перед обществом.

На вступительном экзамене в институт Петрович написал яркое и потому замеченное сочинение, в котором он резко осудил гусениц, тлей и прочих колорадских жуков за антисоветское отношение к сельскому хозяйству, но при этом расписал заслуги неизвестного доселе жука-коробейника, который не только не портил урожай великой страны, но и приносил пользу в виде разрыхления почвы под картофелем, который в результате должен был дать небывалый урожай, что подтверждали сравнительные графики Петровича, где всем известный дождевой червь в сравнении с жуком-коробейником давал пару сотых процента от невиданных успехов вышеупомянутого насекомого.

Пока юный Петрович обучался на мелиоратора земли русской, Хрущёв успел развернуть реки взад-вперёд, осушить и заново наполнить болота, но самое страшное: к диплому Петровича жук-коробейник вымер.

Весь.

Комиссия, принимающая экзамен у молодого и заикающегося парня, уже знала, что работать по специальности ему не придётся. Самые старые члены комиссии, ещё видевшие Колчака, в ужасе (на всякий случай) падали в обмороки.

Экзамен сдан.

Молодой специалист Иван Петрович с завтрашнего дня едет поднимать целину на благо Родины!

Тут прослезилась те члены комиссии, которые в обморок не падали, а председатель комиссии, уже не таясь, рыдал в три ручья.

Назавтра поезд нёс молодого специалиста в степи Казахстана.

«Всё-таки распределение — это хорошее изобретение Советской власти, — думал чубатый Ванька, смоля козью ножку в тамбуре и не забывая посматривать в сторону своей плацкарты. И даже когда наступало время обеда, его соседи — старый аксакал в бурке, запахом напоминающий мощи его дедушки, и таинственная казахская женщина лет пятидесяти со своим грудным ребёнком, который не отнимался ни на секунду от груди, — постоянно кивали головой, соглашаясь с выпускником, что дело у Петровича важное. Собеседники кивали головами, попивая топлёный верблюжий жир, который топили тут же — в переносной буржуйке.

— Товарищи казахи, — распалялся Петрович в особо жаркие дни, одурманенный запахом топлёного жира и томимый голодом, — жук-коробейник — это наше будущее. Вы, — в этот момент его осоловевший взгляд ощущал все эти жующие рожи, — присутствуете при историческом моменте. Мы получим небывалые урожаи пшеницы, кукурузы, гречки... — взгляд его поднялся выше.

— Казлоф, афец, — подсказал аксакал.

— Козлов... Овец, — повторил Петрович, представляя вышеперечисленное на вертеле.

Наконец тяжёлый студенческий вояж закончился, и Петрович со своим латаным-перелатаным чемоданчиком среди ночи был выпнут безжалостным проводником на тёмный перрон; там, как ни странно, его никто не ждал.

К утру вконец оголодавший и разозлённый Петрович уже знал казахский в идеале, настолько, что в полдень он раскладывал свой нехитрый скарб в общежитии мелиораторов имени Жанбека Елеусова. Когда Ваня перекусил вяленой кониной, любезно предоставленной ему комендантом, протёр запорошенные песком глаза, то уселся на свою койку, которую кроме как шконкой назвать было нельзя, и окинул взглядом свои новые хоромы.

Петрович никак не показал своего удивления — ведь его соседями оказались спортсмен-отличник Жанынбек из Алма-Аты, не снимающий бурки даже в самую жару, и симпатичный Нурсулбай.

На следующее утро в комнату холостяцкого общежития вбежал радостный староста. Он энергично пожал руку новому специалисту, на ломаном русском попытался объяснить ему то, какие надежды возлагает на него социалистическое сельское хозяйство, и позвал молодое дарование в степи.

Уже позже Петрович узнал, что кафедра его была расформирована по причине вымирания жука-коробейника, но только планирование советского хозяйства могло закрыть глаза на сей печальный факт и сделать вид, что пресловутый жук-коробейник жив, а Ваня, будучи ответственным комсомольцем, в свою очередь старался не подвести руководство партии.

Так, подогреваемый духом жука-коробейника, их сотрудничество продолжалось несколько лет, пока очередной генсек не отменил продовольственную программу в степях Казахстана.

Вспоминая это, Петрович часто разглядывал глиняного жука-коробейника, которого вылепил ему сосед Жанылбек. Жук был непростой — в самом интересном месте у него было отверстие, подув в которое, можно было извлечь разные душещипательные звуки. Таким образом, его коллеги как бы намекнули, что нужно делать с этим жуком, и объясняло то, почему его казахские приятели так быстро помогали собирать нехитрый скарб Петровича, уезжающего на родину.

Петрович залпом выпил гранёный стакан забродившего кумыса, пару раз дунул в жука.

— Жанылбек, Жанылбек, — сквозь скупые слёзы пробормотал наш герой, — где ж ты сейчас? Так и мыкаешься с кизяками из-под сайгаков, или как я — нашёл нормальную работу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.